

ДЕВОЧКА В ВАГОНЕ

ПОВЕСТЬ

I

– Мы завьем венки
Да на все святки.
На все святки,
На все празднички.

Песенка ворвалась с улицы через приоткрытое окно и, конечно же, разбудила девочку. Пробуждение не было резким, какое возникает обычно от петушиного крика или ушата холодной воды. Не тянулось оно мучительно и муторно, как если бы старший брат настойчиво встряхивал за плечо либо же младший канючил в самое ухо: «Ну вставай уже, встава-а-ай!» От всех подобных случаев просыпаются со стоном, с недовольной гримасой на лице. А в этот раз Анастасия почувствовала, что незамысловатый мотив поднимает ее и ласково подталкивает в спину, словно волны крымского моря.

– На все празднички,
На Духовные.

Она открыла глаза, вспорхнула с кровати и белым облачком полетела к свету. Такую легкость испытывала, что ноги будто не касались пола. Выглянула в окно, но певуны уже скрылись за большим домом на углу Столешникова переулка. Таяла вдаль мелодия:

– На Духовные
Да на венковые.

Анастасия присела на подоконник, жмурясь от ощущения неземного счастья. Вчера она впервые была на исповеди, а сегодня, совсем скоро, примет первое взрослое причастие. Да, да, она больше не станет подбегать к священнику в стайке малышей, пыхтящих и толкающихся локтями, переполненных неумной энергией, которую не смиряют ни строгие шиканья прихожанок, ни даже суровые взгляды с образов. Нет, нет, теперь ей нужно подходить тихо, опустив плечи и склонив голову, в свою очередь после немощной старухи или дородной купчихи. Ведь теперь она не младенец какой-нибудь, а барышня, ей неделю назад исполнилось целых семь лет.

— Проснулась? Превосходно. Собирайся скорее, не то опоздаем.

В комнату заглянул отец, Николай Устинович Арапов. Гладко выбритый, в парадном — по случаю праздника — мундире, застегнутом на все пуговицы. Посторонился в дверях, пропуская старую нянюку, та несла отутюженное платье нежно-голубого цвета и в другой руке...

— Ой, нянюшка, веночек! Да какой же чудесный! — Позабыв свои рассуждения, она по-детски спрыгнула с подоконника, бросилась к зеркалу, восхищенно приговаривая: — Васильки! Колокольчики! Где же ты их достала?

— Нешто ж я для моей красавишны не расстаюсь?! — улыбнулась старушка и тут же погрозила узловатым пальцем. — Ты прежде оденься да волос расчеши, егоза...

Анастасия нырнула в платье, слегка запуталась в вороте, но не стала капризничать, как обычно,

напротив — засмеялась. В такое утро можно ли быть хмурой? Троицын день! Зеленые святки. Сегодня она будет носить венок не снимая, а ввечеру бросит в Яузу. Поплывет — счастье ждет, а утонет... Нет, не стоит заранее думать о грустном. Голубой веночек непременно поплывет. Даже жалко эту красоту — и в реку, но все взрослые барышни гадают, значит и ей надобно. Только сперва придется причесаться, чтобы никто не ворчал.

Старуха цепко ухватила гребешок с узорчатой резьбой и несколько раз с силой провела по золотистым локонам — Анастасия пискнула от боли, слезы брызнули из глаз. А нянька уже тащила ее к умывальнику, поливала, терла, чистила и наконец вытирала насухо.

Отец сразу ретировался, якобы проверить, заложил ли кучер экипаж. На самом деле он, хотя был генералом, служил обер-полицмейстером всея Москвы и наводил страх на разбойный люд, совершенно робел в присутствии этой пожилой женщины. Возможно, потому, что она чрезвычайно похожа на кормилицу, которая воспитывала юного Николеньку в Тульской губернии. Причем настолько сурово, что впоследствии и Пажеский Его Императорского Величества корпус показался курортом, несмотря на строгую военную дисциплину. Даже и сейчас, приближаясь к полувековому юбилею, г-н Арапов все еще с содроганием вспоминал моменты своего детства.

Некая робость могла объясняться еще и тем, что глава полиции не умел общаться с дочерью. Сторонился, откровенно говоря. Когда она, запрыгнув к нему на колени, ластилась, словно котенок, все,

на что он мог отважиться, — погладить девочку по волосам и сказать: «Полно, полно, беги к маме!» Нежным именем Настенька удосужил лишь однажды, пару лет назад, и то потому, что болела серьезно, а доктор давал безрадостные прогнозы. Любил ли г-н Арапов дочь? Безусловно. Просто весь ее мир был так же далек от него, как, ну, положим, Бразилия, и настолько же труден для понимания.

Вот с мальчишками не в пример легче находить общие темы. Племянники обер-полицмейстера сидели на крыльце и развлекались, швыряя камешки на соседский балкон с колоннами, однако, завидев дядю, моментально вытянулись, как на плацу. Тот одобрительно улыбнулся. Потрепал младшего, Павлушу, за непокорные вихры и стремительно поцеловал в макушку — со стороны выглядело, будто большая раззолоченная птица зернышко клюнула. Ребенок захохотал от восторга, много ли надо карапузу в четыре года. У старшего, Георгия, вспыхнули уши, заранее сконфузился на случай, если дядюшка захочет повторить и с ним тот же маневр. Г-н Арапов проявил понимание и такт, хоть и нагнулся к мальчику, но ограничился тем, что поправил съехавшую на затылок фуражку — как-никак гимназист десяти лет должен выглядеть солидно и безупречно.

— Здесь всего-то пять минут по Дмитровке... Может, все же отправимся в карете?

Вопрос этот генерал задал без малейшего проблеска надежды на понимание и согласие — так военачальник почти разбитой армии призывает соперника кончить дело миром. Но дети были непреклонны.

— Конка! Конка! — закричали они и запрыгали вокруг дяди. — Ко-о-онка-а-а!!!

К звонким мальчишеским голосам, которых и без того уже было довольно, чтобы разбудить всех соседей, добавился визг Анастасии. Она выпорхнула на крыльцо, и генерал поднял белый флаг.

— Жди теперь, Федор Кузьмич...

Старый кучер, приставленный по службе к казенному экипажу полицейского ведомства, понимающе усмехнулся в бороду. Все повторяется. На Пасху-то ровно эту же сцену разыграли, правда, погода позябче была. Оно и понятно, детворе пряника не надо, лишь бы прокатиться в английском вагоне.

Г-н Арапов поглядел с тоской на ретивых коней, всхрапывающих и бьющих искры из камней мостовой. Может, до Неглинной прокатиться? Нет, пустое. Там не развернуться, афишная тумба помешает. Только время на объезд терять, пешком быстрее. Обер-полицмейстер крикнул и поспешил, нагоняя детей, с гоготом устремившихся вниз по переулку.

Обычно конка на Неглинной улице не останавливалась, имея на то строжайший запрет. Но когда сияющий на солнце вагон появился из-за поворота, Николай Устинович просто поднял руку, и лошади вмиг встали перед ним, как сказочный Сивка-Бурка. Их и вправду звали именно так — Сивка и Бурка, хотя сей малозначительный факт к нашей истории отношения не имеет. Пусть бы их звали хоть Гог и Магог, на дальнейшие события это ровным счетом никакого влияния не оказало бы. Лошади встали, кучер и кондуктор вышли, чтобы поклониться

большому чину. Г-н Арапов, сделав вид, что не заметил такого почтения, обратился к детям:

— Ну так я встречу вас у церкви...

Потом, вновь уподобившись раззолоченной птице, коротко клюнул Павлушу и Анастасию. Развернулся на каблуках, пошел быстрым шагом обратно к карете, размышляя на ходу, на сколько обгонит конку. Пожалуй что минут на двадцать. Как раз будет время с супругой перемолвиться. Вера Александровна, вместе с сестрой обер-полицмейстера, еще накануне отправились в храм, на всеобщее бдение. Ему же поручили вовремя доставить детей. Вот и прикидывал теперь: успеют ли к причастию. Это объясняло некую озабоченность, с которой он усаживался в карету, да и сон вспомнился не к месту, с четверга на пятницу виденный. Будто бы стоит на холме зеленом, перед обрывом и пытается удержать дочку в вытянутой руке, но силы покидают его, Анастасия падает вниз, оставляя в кулаке только ленточку... Впрочем, глупости. Пусть старые няньки в сны веруют. А ему, человеку просвещенному, не должно на такую ерунду внимание обращать.

Г-н Арапов откинулся на мягкую спинку, вытянул свои нескладно-длинные ноги и скомандовал:

— Трогай, Федор Кузьмич!

II

Мальчишки с азартом рванули к лестнице во второй этаж вагона, который носил гордое название «империял». На самом деле гордиться там было особо нечем — две деревянные лавки, сби-

тые спинками, и хлипкие ограждения из железных прутьев. В дождливые или ветреные дни поездка наверху становилась жестоким испытанием, при полном отсутствии крыши и стен пассажиры чувствовали себя неуютно. Но в такое приятное утро, когда вокруг разлиты солнце, небо и благодать, просто не терпелось в них окунуться.

— За билет в империале извольте три копейки, за обычный билет пять копеек. — Кондуктор Фуфырев говорил надменно и недружелюбно: затаил обиду на обер-полицмейстера, который не счел нужным даже кивнуть в ответ на его почтительный поклон, вот и отыгрывался на детворе.

Медяки посыпались в кондукторскую сумку. Анастасия тоже хотела пройти наверх, но Фуфырев был неумолим. Не положено барышням на империал, и все тут. Мстительный мерзавец! Помнится, он и на Пасху ее не пустил во второй этаж. Только для мужчин, видите ли. Какие-то пещерные правила, будто бы женщина и не человек вовсе.

А братья... Формально они состояли в двоюродном родстве и следовало называть мальчишек кузенами, но г-н Арапов, известный противник всего европейского, воспитал в дочери отвращение к заграничным словам. Запрещал он также называть детей Полем и Жоржем, на французский манер, как это происходило в других дворянских семьях. Поэтому Анастасия привыкла называть их братьями. Теперь же захотелось крикнуть им вослед: предатели! Как посмели бросить ее одну? Поездка сразу растеряла половину своей привлекательности, девочка надула губки и села в самый дальний

угол, отвернувшись от Фуфырева и немногочисленных утренних ездоков.

Она злилась все время, пока конка двигалась по Неглинной. Но когда подъехали к бульварам и появились цветущие каштаны, спохватилась: ох, да что же я такое делаю... Гневаться и так смертный грех, а в праздник, поди, и вовсе за два греха считается. Анастасия вытерла набежавшие слезинки и заставила себя улыбнуться. Так-то лучше.

Конка остановилась возле Трубной площади. Здесь, несмотря на ранний час, уже шумел и суетился рынок. Продавали сразу все: пожухлый бурлак и брюкву-саксонку, пряности, страшноватые на вид весенние грибы, чашки фарфоровые, потускневший бронзовый подсвечник, какие-то вещи с чужого плеча... А еще птичек в клетках, которых было ужасно жалко. Вот и все, что разглядела из своего окошка девочка.

Вагон конки пополнился новыми пассажирами. А фореиторы в зеленых куртках подвели двух лошадей пегой масти, с полинявшими боками.

— Теперь еще и этих запрягут, а после сразу поедem дальше, — слышались громкие объяснения кондуктора. Он распушил хвост, словно павлин, и не отходил от некой дамы лет тридцати, судя по одежде — гувернантки. Та постоянно отворачивала лицо от Фуфырева, но ее надменный профиль, видимо, распаял еще больше, потому что объяснения продолжались. — Без дополнительной конной тяги вагон по Рождественскому бульвару не поднимется. Видите, как горбится мостовая?

Анастасия знала про сложный подъем. Как и про то, что лошадам тяжело даже вчетвером та-

щить в горку громоздкую махину, набитую людьми. Их тоже всегда было очень жалко, а все же не так сильно, как птичек в клетках. В обычные дни она бы с восторгом наблюдала, как пегих кобылок запрягают парой, а после цепляют к Сивке и Бурке за длинную... Э-э-э, штуку с крюком? Георгий знает, как называется эта штука. Однако сейчас он на империале, смотрит во все глаза и поддерживает Павлушу, чтобы не упал вниз, а то ведь этот любопытный сорванец всегда перегибается через хлипкое ограждение. Да, в обычные дни...

Но сегодня-то праздник великий. Девочка засмотрелась на большой каштан, весь в цветущих «свечках». Этот старый каштан, великан среди соседних деревьев, изрядно нависающий над дорогой, вдруг напомнил ей храм. Церковь вчера была убрана ко всенощной — вокруг икон зеленели березовые веточки, пол устилала скошенная трава. Священник, принимавший ее первую исповедь, также был облачен в зеленое. А кругом горели свечи.

Разумеется, девочка была в полном смятении. Запиналась, пыталась сказать, но слова не шли наружу, застревали где-то в горле, сбиваясь в большой комок. Тогда батюшка наклонился близко-близко и шепнул:

— Боишься?

Она кивнула.

— Чего боишься? Наказания? — продолжал допытываться священник.

Анастасия снова кивнула, не в силах проглотить комок, который мешал уже не только говорить, но и дышать. Ей казалось, что вот прямо сейчас случится обморок.

А бородач в рясе сел рядом, прямо на усыпанный душистыми травами пол, обнял ее за плечи и заговорил тихонько:

— Я тоже на первой исповеди боялся. Думал, Бог не простит, накажет за грехи. Все и всегда именно наказания страшатся. Да что мы с тобой, простые грешники... Даже апостолы боялись, сильно боялись. Их ведь могли казнить, многих христиан в те времена казнили, мучили страшно. И вот в такой же точно день, канун Троицы, сидели они, запершись на все засовы, окна ставнями загородили. Вдруг шум, треск, огонь явился с неба и, представь себе, над каждым апостолом зажегся язык пламени. Это тоже могло напугать. Меня бы уж точно напугало, до обморока.

Девочка знала эту историю, нянька читала ей Евангелие. Но святой отец рассказывал по-другому, простыми словами. Не ощущалось в них ослепительного величия, зато все было понятно.

— А вместе с этим пламенем пришла к ним сила великая, апостолы вышли к народу и стали проповедовать слово Божие, основали церковь Христову. Хотя снаружи-то ничего не изменилось. Мир язычников был все так же жесток к христианам. Их по-прежнему могли казнить. Просто Петр, Павел, Андрей и другие уже не боялись. Святой Дух исцелил их от страха, оставив только веру, надежду и любовь.

Священник трижды провел рукой по волосам Анастасии, и ладонь показалась ей горячее пламени.

— Я однажды понял, что вовсе не наказания надо бояться, а греха. Грехи наши тяжкие лежат на душе камнями, давят денно и ночью. Зачем та-

кой груз таскать? Какая в том радость? А покаешься, сбросишь грехи — сразу легче, и дышится свободнее.

— Но потом ведь накажут?! — пискнула девочка.

— Конечно, накажут. Но с чистой душой и наказание легче переносится, — улыбнулся священник. — Разве отец не ставит тебя на горох за шалости? Не кивай, по глазам вижу, что случилось такое. Но потом ведь обнимет и простит, правда? Вот и Господь для нас не только строгий судья, но и отец небесный. Как только ты, отроковица, от грехов своих отречешься, Он примет тебя в объятия и все простит. Не запирайся от Него, отвори двери и ставни души своей и живи счастливо.

Слова священника, довольно молодого еще человека, глубоко тронули девочку, нет, теперь уже отроковицу — так он назвал. Комок в горле распался сам собой и излился слезами. Анастасия уткнулась в русую бороду и, всхлипывая, пересказала все свои детские прегрешения.

Потом уже, поздним вечером, ворочаясь в кровати без сна, она вспомнила еще несколько грехов, в которых не покалась. Месяц назад на балу подглядела, как юная графиня Б. целуется с молодым корнетом, у него еще только-только усики пробивались. Позавидовала. А зависть — грех. Потом еще мамин браслет из ларчика драгоценного без спросу брала. Это ведь то же самое, что украла. Нет, потом-то на место положила, никто и не заметил. Но Бог все видит. Значит, считается.

Как же ей к причастию без отпущения грехов этих идти? Вдруг прикоснется она губами к священному вину, а тут затрубят трубы и явятся в зо-

лотом дыму ангелы небесные. И громогласно, на весь храм, провозгласят: «Грешница великая! Воровка, завистница и лгунья!» Она ведь прямо там со стыда и помрет. Нет, нельзя такого допустить. Анастасия вспомнила красивое, чуть вытянутое лицо священника, — как его звали? Отец Алексей, кажется. Вот к нему подойдет и про забытые грехи расскажет. Батюшка поймет, у него глаза добрые.

Она перекрестилась, глядя на каштан, и тут только поняла, что конка стоит на месте слишком долго. Давно уж ехать пора. Девочка высунулась из окна вагона, пытаясь разглядеть, что же там стряслось.

А стряслось вот что. Лошадь закатывала карие глаза и норовила встать на дыбы. При этом страшно дрожала, словно в лихорадке — кучер похлопывал по правому боку, ощущая пальцами волны мышечных спазмов, перетекающих от головы к хвосту.

— Бурка! Какой бес в тебя вселился?

— Может, мыша увидала? — предположил фрейтор, бойкий коротыш лет пятнадцати.

— Сам ты мыша! — осерчал кучер. — Не видишь, пена на губах? А никто лошадку-то не загонял. Не иначе как в сене попалося чего. Борец-корень, синеглазка или ведьмина трава.

Он принюхался к дыханию лошади, словно мог по запаху определить, какую именно отраву та проглотила. Бурка всхрапнула, доверчиво ткнулась мягким носом в щеку кучера, отчего тот засопел и покачал головой.

— Ты вот что, Ерёмка, выпряги ее. Напои хорошенько, успокой. Погуляй подольше, можа и отпу-

стит... А мы как-нибудь уж на трех подыдемся. Народу в кузове мало.

Кондуктор, оторвавшийся по такому экстремному случаю от надменной гувернантки, не сдержал усмешки. Старик упорно не хотел употреблять слово «вагон», все по-старинке именовал. Фуфырев же смотрел с позиций просвещенных, а потому ясно понимал, что прогресс неумолим. Уже через три года, максимум через пять, конку протянут по всем центральным улицам и не останется в Москве извозчиков. Совсем не останется. Оно конечно, г-н Дарвин со своей теорией эволюции напугал, где же это видано, чтоб человек произошел от обезьяны? Ну, положим, где-нибудь на далеких островах, может быть и такое. Но у нас-то, в России, известное дело, человек от Бога произошел! Зря все-таки не запретили эту псевдоученую ересь печатать. Но в коммерческом или в промышленном смысле дарвиновская теория работает идеально: кто сильнее, тот и выживет. Вот, говорят, совсем скоро запустят самодвижущиеся вагоны, тогда и у кучеров работы не останется. А кондукторы, те всегда пригодятся. Деньги-то собирать и в чудо-вагонах надобно...

Конка вздрогнула и, покачиваясь с боку на бок, двинулась на подъем. Лошади шли тяжело, оступаясь на каждом третьем шаге. Их могучие загривки лоснились от пота. Кучер отложил кнут, понимая, что в такой ситуации подгонять лучше добрым словом.

— Пошли, ласточки! — понукал он. — Нешто не сдюжим? Пошли, пошли, родимые!

Фореиторы тянули за узду, покрикивая совсем другие слова. Непонятно, что именно сработа-

ло, но вагон поехал заметно быстрее. Поднялись к Малому Кисельному переулку, остановились у Карамышевской усадьбы. Лошади тяжело дышали и даже забывали отгонять мух взмахами хвостов. Здесь их снова перепрягли, и на двух пегих двинулись дальше, к Сретенской церкви.

У поворота на Большую Лубянку в нетерпении прохаживался г-н Арапов. Вот он просветлел лицом, заметив мальчиков, машущих руками и кричащих с империаля. Но тут же снова нахмурил брови: конка прибыла с изрядным опозданием, по этому поводу обер-полицмейстер намеревался отчитать нерадивого кучера. Да заодно и кондуктора — тот ему откровенно не нравился, слащавая улыбочка, угодливый изгиб спины, право слово, будто знак вопросительный.

— Что же вы, черти... — начал было он распекать, поднимаясь в вагон, да тут же и осекся на полуслове.

Затихли и мальчишки, сбежавшие по лестнице с империаля.

Кондуктор Фуфырев прижал ладонь к груди и стал сбивчиво оправдываться, но обер-полицмейстер не слушал. Он сделал пару нетвердых шагов по проходу, озираясь по сторонам, заглядывая за спинки сидений и громко выкликая:

— Настенька! Доченька! Где ты?

III

Сад «Эрмитаж» этой весной преобразился до неузнаваемости, и потому вся Москва устремилась сюда на прогулку. Возле двух больших прудов

ажурные скамейки были заняты разночинной публикой. Беседки, врезанные в тенистые заросли, вдали от основных дорожек, были заполнены смеющимися молодыми людьми. Где-то пили шампанское, которое принес запыхавшийся юнец из ресторации. Где-то играла гитара и чарующий голос напевал цыганский мотив, услышав который Митя невольно пробежался рукой по карманам, всё ли на месте.

Такой небывалый наплыв любителей прогулок на свежем воздухе вызвали не только архитектурные перемены или стриженные по заграничной моде кусты. Новый арендатор парка, г-н Лентовский, обещал прекрасные водевили и иные представления под открытым небом, как раз с Троицына дня. Отсюда и столь огромный интерес к «Эрмитажу».

— Зря злословцы утверждают, что столица просыпается рано, а москвичи не покидают постели до полудня. Посмотри-ка ты, только четверть двенадцатого, но уже негде присесть!

Митино брюзжание объяснялось просто: купленные накануне яловые сапоги изрядно жали, особенно правый. Но свободных скамеек не было, приходилось бродить бесцельно вокруг пруда. Почтмейстер заметно прихрамывал, но радость от общения с приятелем, которого не видел почти полгода, искупала все тяготы прогулки.

Упомянутый приятель, литературный критик Мармеладов, человек довольно язвительный по натуре, в ответ заметил:

— Деловитость в сапогах ходит, да только они тебе не по ноге. Что же ты выиграл от повыше-

ния, кроме золотого канта на фуражке да неудобной обуви?

— Не скажи, братец. Я, видишь ли, теперь не просто почтмейстер, начальник почтово-телеграфного округа. А это, почитай, 250 рублей в месяц, с учетом «столовых». Выгодное...

Он высмотрел свободную скамейку — влюбленная парочка как раз в этот момент умчалась кататься на лодке — и поспешил занять ее с самым решительным видом. Хотя при этом походкой он напоминал пингвина, а страдальческим выражением лица — кокер-спаниеля. Плюхнулся, помянул к себе критика и закончил:

— Выгодное дельце!

Мармеладов сел рядом, сложил руки на набалдашнике черной трости, опустил на них подбородок и несколько минут молча смотрел, как лодки скользят по водной глади — одни спокойно, а прочие рывками... Три крепких парня затеяли соревнование и теперь пересекали пруд наискосок, разгоняя остальных громким посвистом.

— Рискну предположить, что в этой фразе должно появиться некое «но», — сказал он наконец. — В современном обществе редко бывает выгодное дельце и без подвоха.

Улыбка почтмейстера облетела, как яблоневый цвет под весенним ливнем.

— Все так.

Критик перевел на Митю внимательный взгляд и с ходу выявил диагноз.

— Перлюстраторы?

— Откуда... — опешил тот. — Я, наверное, никогда не пойму: как тебе это удастся?

— Простое умозаключение. — Мармеладов снова вернулся к созерцанию импровизированной регаты. — Когда говорил о выгоде, лицо у тебя перекосилось, а нос наморщился, будто учуял неприятный запах. Стало быть, что-то в этом дельце вызывает брезгливость. Причем ты не можешь это изменить, хоть и начальствуешь в целом округе. Приходится смиряться. А по вашему ведомству самое гадкое и противное — это как раз перлюстрация. Более того, бороться с ней невозможно, поскольку одобрена сия низость на самом высоком уровне. Из наблюдения за твоими гримасами и родился вывод.

Митя восхищенно слушал приятеля, кивал и с нетерпением ждал момента, чтоб подтвердить правильность вывода.

— Верно. У нас в почтовой конторе посадили агента тайной полиции — здоровый детина, пахать на таком можно. Он вскрывает сомнительные конверты и читает, что люди пишут друг другу. И этот самый перлюстратор — я их называю перехватчиками писем, чтобы язык не ломать, — по природе своей мерзейшая личность. Постоянно хихикает, когда читает. Противно так хихикает, а как найдет что-то неблагонадежное, аж руки потирает от радости. Раздражает он меня, братец.

— Опять морщишься, — откомментировал Мармеладов, — будто слизняка съел. Надо тебе последить за выражением лица, а то как бы не разжаловали обратно. Начальство должно проще относиться к сделкам с совестью, а ты теперь большой чин. Радоваться должен. Человек же работает с азартом, старание прикладывает. Ради безопас-

ности императора, либо московского градоначальника, либо еще кого-то, но непременно во благо государства.

Митя оторопел, даже дышать перестал, но разглядев озорные искорки в глазах приятеля, выдохнул с облегчением.

— Экий ты насмешник... А я уж было подумал, что всерьез!

— Наверное, воздух Европы сделал меня чуточку вольнодумцем. Хотя... Я ведь в самом деле много размышлял, пока путешествовал. И вот что пришло в голову. Давешняя моя теория о том, что можно разрешить себе убийство ради некоей «великой» цели, — причем величие здесь непременно стоит заключить в кавычки, поскольку оно мнимое и происходит из заблуждения человека, — так вот теория эта срабатывает на любом уровне. Дробится на более мелкие осколки. Люди наделяют себя правом на любую подлость — слежку, шантаж, доносы, выколачивание признаний, да вот хоть бы и эту твою перлюстрацию. И вроде бы по отдельности все это не так страшно, как убийство, однако через всю эту мелкую с виду подлость сейчас многим людям страдание выходит. А скольким еще выйдет в будущем?

— Гоняли мы с тобой революционеров, а сами-то, сами, — почтмейстер сдвинул фуражку вперед и почесал затылок в растерянности.

— Что ты, Митя, революции тут не помогут. От них, наоборот, еще хуже сделается, поскольку любая смута все низкое в человеке еще больше обнажает. — Мармеладов говорил отстраненно, наблюдая при том, как трое спорщиков развернули

лодки и размашисто двинулись обратно, к дальнему берегу пруда. — Тут бы надо каждому внутри себя построить крепость и там заточить все подлое и гадкое, что в нас есть. А тюремщиками поставить совесть и стыд. Отказаться от «великих» предприятий, но только по доброй воле. Тогда, глядишь, и сумеем сохранить нравственный закон внутри нас. Но это так, очередная теория...

Он взмахнул тростью и отбросил маленький камешек в зеленую пирамиду ближайшего куста.

— Трость, надо полагать, дань парижской моде? — желая увести приятеля на более легкий разговор, спросил Митя.

И не угадал.

— Подарок от нашего общего знакомого, полковника Пороха. Прислал к Рождеству, за помощь в поимке бомбистов.

— Похвалил, значит?

— Это как посмотреть. Видишь, на рукояти гравировка: «Иным острым идеям лучше бы никогда не покидать ножны»... Отношения наши по-прежнему далеки от взаимной приязни. Порох и вся столичная охранка, воспринимают меня как меньшее зло и обращаются лишь в том случае, когда не могут сами победить зло более крупных форм и размеров. Не исключаю, что втайне лелеют надежду: не справится однажды Родион Романович с каким-либо преогромнейшим чудовищем, так пусть оно его и сожрет... А знаешь, Митя, ну их всех к лешему. Пойдем-ка лучше в трактир и пропьем все, что не пропито в заграницах!

Деньги, уплаченные финансистом Шубиным за успешно раскрытое дело с ограблением, были поч-

ти целиком потрачены на путешествие. Зиму Мармеладов провел в Париже, на обратном пути задержался в Вене и Берлине.

— А ты г-жу Меркульеву навестил? — с любопытством спросил почтмейстер, прислушиваясь к ощущениям в правом сапоге. — Она ведь тоже где-то в Европе сейчас.

— Нет. Я долго размышлял — заехать к Луше или нет, но в итоге счел эту затею неразумной.

— Господи, да при чем же здесь разум? — воскликнул Митя. — В таких делах лучше слушать, что сердце подскажет.

— Сердце — лишь мышца, которая двигает кровь по человеческому организму. Такой же простой механизм, как часы. Мозг куда сложнее устроен. В нем могут одновременно уживаться логика, здравый смысл и воспоминания о чудных мгновениях... Кстати сказать, в Париже я узнал, что французы с восторгом читают Пушкина!

— А других русских поэтов?

— Помилуй, друг мой, да есть ли другие? — Улыбка литературного критика вышла кривобокая, как турецкий ятаган. — Но, впрочем, и их читают... Виделся с г-ном Тургеневым, он часто устраивает холостяцкие обеды с Флобером и Гонкурами. Оттого стал несколько шире не только во взглядах, но и в талии. Встречал издателя Суворина — милейший человек, приезжал за опытом. Во Франции продают серию книг для бедных, в дешевых переплетах, но прекрасные произведения. Так вот Алексей Сергеевич затеял такую же библиотеку у нас выпускать. Три дня мы с ним составляли список классических и современных авторов — рома-

ны, повести, рассказы и очерки. Томов двести набралось. И тут Суворин говорит: «Дело за малым, теперь надо обучить нашу бедноту грамоте».

Митя захохотал, пожалуй, даже чересчур громко, несоразмерно рассказанному анекдоту. Но очень уж хотелось поскорее разогнать осадок от недавнего разговора.

— А самое прекрасное, удалось побывать в доме у Жюль Верна. — Мармеладов взмахнул руками, как бы демонстрируя масштабность события. — Был допущен в святая святых, кабинет писателя. Там огромная карта мира, во всю стену. Веришь ли, на ней вообще нет пустого места! Исчеркана пунктирными линиями, вокруг кружочки, стрелочки. Порою какая-нибудь пустыня исписана целыми абзацами, а рядом верблюды с двумя горбами нарисован.

— Для вдохновения? — уточнил почтмейстер.

— Наивность этого предположения доказывает, что ты, Митя, ничегошеньки не знаешь о писателях. Ты, очевидно, думаешь, что monsieur Верн любит закатом, а потом бежит домой и второпях, роняя слезы умиления и восторга, записывает свои мысли и так вот рождается великое произведение? Разочарую тебя. Monsieur Верн, как и многие другие писатели, трудится по десять часов в день. Подобно шахтеру, перелопачивает тонны шлака, чтобы выискать крупички золота. А уже из них плетет нам сюжеты, в том числе и про прекрасный закат.

Митя глядел недоверчиво, хотя сомневаться в том, что критик лучше знаком с писательским миром, не приходилось.

— Зачем же тогда карта? — переспросил он.

— Карта monsieur Верна — это золотая жила, которую что шахтеру, что писателю, удастся обнаружить раз в жизни, — улыбнулся Мармеладов. — Французский гений задался целью написать романы о приключениях в каждой точке земного шара и следует ей неукоснительно. Здесь расчет тонкий: книги наполнены экзотикой, которую простой читатель в привычной жизни не встретит, — вроде того же верблюда или ядовитой африканской мухи, — а значит, хорошо продаются. Перенеси он все свои сюжеты на пыльные парижские улочки, мало кто стал бы это читать. Приступая к очередной книге, писатель смотрит на карту: «Так, где мы еще не были... Антарктида? Отлично!» И через месяц продает рукопись за немислимые деньги.

— Но откуда же он знает про эту самую муху, про Африку или Антарктиду? Наверное, много путешествует, — предположил Митя.

Вот тут уже Мармеладов рассмеялся в голос.

— Ох, чистая душа... Да пойми же ты, успешный роман — это обман. На два-три реальных факта накручивается выдумка. Вот представь, какой-нибудь досужий сочинитель прочитает в старой газете рассказ о суде по твоему делу. Возьмет оттуда семь строчек. А далее, фантазируя вокруг да около, сотворит сюжет на семьсот страниц, с подробными описаниями и диалогами. Философии туда насыплет, религии накапает... Так и получается роман. Ты сумеешь распознать неправду, а тысячи людей прочтут, даже не усомнившись! Не возмись предсказать успех такой истории, не у всех получается одинаково хорошо сочинять. Но из-

под пера monsieur Верна выходят настоящие шедевры. А про муху он узнает из посещений музеев, толстых монографий ученых или рассказов путешественников. Мне так целый допрос учинил. А правда ли морозы в России такие лютые? Медведи? Балалайка? О, а что пьют ямщики, чтоб в степи не замерзнуть? Три часа расспрашивал! Наверняка следующий роман про нашу империю напишет.

Помолчали, думая каждый о своем. Мите не давала покоя мысль, что прошли они только половину парка и до трактира еще ковылять преизрядно. Мармеладов же вспоминал забавные случаи из путешествия, которые могли бы повеселить приятеля и скрасить долгую дорогу.

— А ведь есть еще более неожиданные сочинители, — улыбнулся он. — Пока гостил в Вене, успел ознакомиться с изумительной статьей юного г-на Фрейда о выявлении половых различий у речных угрей. Наделал шуму этот студент, должен признать. У него светлая голова и много дельных мыслей, уверен, мы о нем еще услышим... Очень забавные проводит параллели, даже позабористее г-на Дарвина. Вот ты, Митя, даже не подозреваешь, что людей и животных роднит один важнейший инстинкт — влечение самцов к самкам. И наоборот. Как утверждает г-н Фрейд, чем лучше человек это влечение использует, тем более гармоничной личностью себя проявляет...

— С чего бы у человека появились столь низменные инстинкты, как у угря какого?

— Так ведь сказано в одном из псалмов: «Аз есмь червь...» Митя, возьми-ка мою трость, что-то

ты тяжело плетешься... Так вот, этот юноша выдвигает смелую гипотезу о том, что не деньги правят миром. А исключительно влечение к барышням!

— Бред какой-то! Когда-то Европа была светлым солнышком, а теперь, похоже, приходит время заката. Как бы они там, в темноте-то, не перепутали, где барышня, а где...

— Угорь? — усмехнулся Мармеладов. — Ладно, что мы все о скользких тварях. Есть более достойные особи. Вот, скажем, тот кавалергард. Смотри, как он идет — ни одной скамейки не пропускает вниманием, во все беседки заглядывает. Влечение, мой друг, оно по весне особенно сильно чувствуется...

Высокий статный брюнет в белом мундире двигался по парку каким-то нелепым зигзагом. Шел он навстречу приятелям, и легко было предсказать, что вскоре их пути неизбежно пересекутся. Митя пробормотал пару замысловатых ругательств.

— За что ты так строг к кавалергардам? — искренне удивился Мармеладов. — Сам же служил в гусарском эскадроне.

— Видишь ли, братец, сперва-то я хотел как раз к белым мундирам, да не взяли. Они там все как на подбор великаны удалые, а я росту чуть выше среднего. С тех пор недолюбливаю. И потом, гусары в таких боях побывали, страшно вспомнить: в одной только битве на Кавказе подо мной трех коней убили... А эти цацы лишь покои государевы охраняют да на парадах вышагивают.

Незнакомец выглядел так, будто действительно только что прибыл с парада. Посеребренная каска с двуглавым орлом сверкала, привлекая внимание

всех дам и девиц, гуляющих в парке. Белые лосины — узкие, Митя знал это по опыту, надевать их следовало исключительно мокрыми, чтобы сохли уже на ногах, — были заправлены в щегольские ботфорты. Широкий пояс-кушак и красные отвороты на рукавах мундира кавалергард старался выставить напоказ, подчеркивал каждым движением. Подобное позерство свойственно юношам, едва достигшим восемнадцати лет.

— У-у-у, фанфарон, — проворчал почтмейстер с плохо скрываемой ревностью.

Они почти поравнялись с кавалергардом и услышали, как он задал вопрос сидящему на скамейке мужчине с выдающимися бакенбардами:

— Господин Мармеладов? Не вы ли господин Мармеладов?

Ответное покачивание бакенбардов из стороны в сторону ничуть не умерило пылкого напора юноши. Он повернулся, встретился глазами с литературным критиком.

— Мармеладов — это я. Зачем искали?

Кавалергард в два шага оказался рядом.

— Платон Ершов, адъютант по особым поручениям! — отрекомендовался он. — Наконец-то я нашел вас, Родион Романович. Заезжал на квартиру, но там сказали, что вы отправились в сад Эрмитаж на promenade¹.

Митя презрительно фыркнул. Юноша вспыхнул, хотел было сказать что-то резкое, но сдержался.

— Господин Мармеладов, нужна ваша помощь. Дело в том, что сегодня утром, — тут он понизил

¹ Прогулку (*фр.*).

голос, практически до шепота, чтобы не привлекать внимание зевак, — похитили единственную дочь обер-полицейстера Москвы!

IV

— ...тогда-то г-н Арапов обнаружил, что дочери в вагоне нет. Только смятый веночек валяется под сиденьем.

Адъютант Ершов закончил изложение всей истории в дороге, под стук копыт: у выхода из «Эрмитажа» поджидала большая карета, вся черная и с черными же занавесками в окнах. Митя нырнул внутрь без вопросов — настолько обрадовался, что дальше не придется идти пешком. Мармеладов же осмотрел экипаж придирчивым взглядом, встретился глазами с кучером, который не ответил на улыбку. Отметил отсутствие гербов на дверцах и фонарей в углах. Сделал для себя некие открытия, явно успокоившие его любопытство. Хотел было тут же поделиться ими с кавалергардом, но тот как раз пересказывал утренние события, а потому критик решил повременить со своими выводами.

История похищения Анастасии, часть которой уже известна нашему читателю, миновала самый драматический момент. Безутешный отец пал на колени, призывая все кары небесные на голову преступников, а выбежавшая из церкви мать девочки прижала веночек к губам и беззвучно заплакала.

Конка так и не тронулась с места. Полицейские, коих моментально набежало три десятка, допросили кучера, форейторов и кондуктора Фуфырева —

те ничего не видели, поскольку хлопотали вокруг вздыбленной лошади, — а также пассажиров злополучного рейса. Таковых было четверо. Показания каждого из них записали в протокол настолько скрупулезно, что с казенного листа будто бы звучали сбивчивые голоса.

Доктор Быковский рассказал, что сидел напротив, через один ряд. Потому подробнее других видел картину произошедшего. Девочка... Для следствия нужно называть правильно, да, да... Анастасия Николаевна сидела все время ровно и строго, по сторонам не смотрела. Потом к ней подошел молодой человек, судя по одежде — гувернер. Нет, не заметил, откуда появился. Спустился с империсала, а может зашел с улицы — мы же тогда как раз стояли возле Трубной площади. Сказал несколько слов дев... Да, да, простите, Анастасии Николаевне. Та встала и пошла вслед за ним, прочь из вагона. Нет, о чем именно говорили, не услышал, но ушла Анастасия Николаевна по доброй воле. Если б гувернер ее силой тащил, разумеется, я бы вмешался и безобразию прекратил! Молодца этого запомнил, безусловно, я ведь достаточно его разглядел. Описать? Извольте. Так-с... Среднего роста, волосы русые, без бороды и усов. Глаза? Темные, пожалуй что карие. Нос прямой, европейский. Более ничего особенного не разглядел. Возраст? Немного за двадцать, я бы дал двадцать три. Вряд ли старше. Если чем еще могу помочь — всегда к вашим услугам, господа полицейские.

Вдова купца Паланина, почтенная Агриппина Саввична, сидела слева от доктора. В показаниях она путалась, поскольку призналась, что плохо

